

ВКУС ТУМАНА

КОНЮШЕНКО ЕГОР

Егор Конюшенко

Вкус Тумана

<https://litres.ru/74535998>

SelfPub; 2026

Аннотация

Бенджамин Кроу, писатель в творческом и жизненном тупике, приезжает в забытый прибрежный городок Промис-Фоллс, чтобы вступить в наследство — старый дом на холме, доставшийся от тёти. Но с первого же дня он понимает, что город не просто окутан туманом: туман живой, он пахнет солью и гнилью, он пробует его на вкус. Местные боятся его фамилии, а старый смотритель маяка с железными ногами предупреждает: туман вернулся, потому что вернулся Кроу. Что скрывается на дне океана, какую тайну хранил его дед и какую цену придётся заплатить, чтобы остановить то, что уже начало пробуждаться?

Содержание

Глава 1. Тихая гавань	5
Глава 2. Кладбище кораблей	26
Глава 3. Мёртвый улов	43
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Егор Конюшенко

Вкус Тумана

Глава 1. Тихая гавань

Дорога до Промис-Фоллс заняла у Бенджамина Кроу на два часа больше, чем обещал навигатор, и всё это время он чувствовал, как что-то влажное и холодное касается его лица из открытого окна. Он дважды проверял стеклоподъёмник — тот работал исправно, жужжал, полз вверх, — но спустя минуту Бен снова опускал стекло, потому что в салоне становилось душно, невыносимо душно, словно воздух в машине был старым, много раз пережёванным лёгкими. «Субару» трясло на разбитом асфальте, и каждый ухаб отдавался тупой болью в пояснице — той самой, что появилась после бессонных ночей над пустыми страницами.

Бен скосил взгляд на пассажирское сиденье, где лежала стопка бумаг, скреплённая канцелярским зажимом: договор о разводе с Лорой, который он подписал неделю назад, и почти девственно чистый блокнот с единственной строкой на первой странице — «Океан помнит всё». Он не мог вспомнить, когда написал это. Строчка была чужая, словно кто-то водил его рукой во сне. Он смотрел на неё каждые десять миль, надеясь, что следом появятся другие слова, но страница оставалась пустой, и только эта одинокая фраза торчала посреди белизны, как надгробный камень.

Где-то за Огастой он остановился на заправке — одной из тех, что выглядят так, будто их забыли снести в семидесятых, с ручными счётчиками и ржавым холодильником у входа, в котором дребезжали банки с газировкой. Бен залил бак, за-

платил старику в засаленной кепке, который даже не поднял глаз от кроссворда, и зашёл внутрь за кофе. Кофе-машина выдала ему пенопластовый стаканчик с бурой жижей, пахнущей жжёной резиной, и он машинально потянулся к стойке с сахаром.

Сахар был в бумажных пакетиках, но когда Бен разорвал первый и высыпал содержимое в кофе, на поверхности вместо белых кристаллов заплескались серые, влажные крупинки. Соль. Он попробовал ещё пакетик — то же самое. И ещё один. Соль, соль, соль. Мелкая, серая, пахнущая морем. Бен поднял глаза на кассира, но тот по-прежнему разгадывал кроссворд, водя по клеткам огрызком карандаша. Бен выбросил стаканчик, не сделав ни глотка, и вернулся в машину.

Когда он выруливал на шоссе, ему показалось, что старик на заправке всё-таки поднял голову и проводил его взглядом. Но зеркало заднего вида было запотевшим, и он не мог сказать наверняка.

Туман пришёл не с океана — он словно просочился из самой земли, густой и маслянистый, цвета прокисшего молока. Это случилось как раз после того, как навигатор пискнул и объявил, что до пункта назначения осталось двадцать миль.

Сначала Бен подумал, что у него запотели очки — он снял их, протёр краем рубашки, водрузил обратно, — но легче не стало. Воздух за лобовым стеклом превратился в кисель: не прозрачный, не белый, а какой-то желтовато-серый, как старая марля. Бен сбросил скорость до пятнадцати миль, и фа-

ры высветили впереди не клубящуюся стену, а десятки тонких, извивающихся прядей, которые тянулись поперёк дороги, как щупальца невидимого животного. Они цеплялись за ветки придорожных елей, за телеграфные столбы, за ржавые почтовые ящики, и в их движениях было что-то до тошноты осмысленное — не хаотичное, не случайное, а целеустремлённое, как у пальцев, ощупывающих незнакомый предмет.

Стеклоочистители с мерзким скрипом размазывали по лобовому стеклу капли, оставлявшие после себя жирные разводы. Бен поёжился и поднял стекло; в салоне сразу запахло солью и чем-то сладковато-органическим, вроде разлагающихся водорослей на утреннем отливе. Запах был сложный, многослойный — Бен различал в нём ноты йода, гниющей рыбы, мокрого дерева и ещё какую-то сладкую, приторную ноту, от которой сводило скулы.

Он подумал, что Лора возненавидела бы этот запах. Лора вообще ненавидела всё, что нельзя было объяснить с точки зрения санитарных норм. Она работала эпидемиологом в департаменте здравоохранения Портленда, и в их доме всегда пахло спиртовыми салфетками и антибактериальным мылом. «Грязь — это просто материя не на своём месте», — говорила она, когда Бен оставлял посуду в раковине или забывал вытряхнуть пепельницу. Интересно, что бы она сказала об этом тумане? «Туман — это просто вода не на своём месте»? Или что-то другое? Что-то, что она уже говорила ему перед уходом, швыряя на стол бумаги о разводе: «Ты жи-

вёшь в мире, которого не существует, Бен. Ты выдумываешь людей, выдумываешь истории, выдумываешь нас. Я устала быть персонажем».

Он встряхнул головой, отгоняя воспоминания. Не сейчас. Сейчас нужно было найти этот чёртов город, пока он не въехал в кювет.

Город возник из тумана сразу, без предместий и указателей, словно выпрыгнул на дорогу. Только что за окнами была серая мгла, прошитая тенями деревьев, — и вдруг по обе стороны выросли дома: приземистые, деревянные, с покатыми крышами и тёмными окнами. Не было ни заправок с яркими вывесками, ни супермаркетов, ни рекламных щитов. Только дома, уходящие в туман, да редкие фонари, горевшие тусклым, болезненным светом. Табличка «Добро пожаловать в Промис-Фоллс» была старой, деревянной, и кто-то старательно забил отверстия на месте букв «о» и «л» кусками высушенной рыбьей чешуи. Чешуя блестела в свете фар — перламутровая, с розоватыми краями, словно её содрали с рыбы совсем недавно.

Бен остановил машину и вышел, чтобы размять ноги и заодно рассмотреть табличку поближе. Чешуек было много, десятки, они были вдавлены в дерево с такой силой, что щепки торчали наружу. Он протянул руку, чтобы потрогать одну, но отдёрнул — поверхность чешуйки была тёплой. Не нагретой солнцем, которого не было весь день, а именно тёплой, как кожа живого существа. Бен вытер пальцы о джинсы

и вернулся в машину.

Ему нужен был кофе. Или хотя бы кто-то, кто объяснит, где находится дом тёти Маргарет, который он не видел двадцать лет и который теперь, согласно завещанию, принадлежал ему. Он проехал ещё пару сотен ярдов и заметил над одним из зданий вывеску — кованый якорь с облупившейся позолотой, который раскачивался на ветру. Вернее, должен был раскачиваться на ветру — но ветра по-прежнему не было, и якорь скрипел сам по себе, и звук этот напоминал не металл, а ноющий детский плач, доносящийся из подвала. Под якорем темнели буквы, выложенные речной галькой: «ЗАКУСОЧНАЯ ЯКОРЬ. КЛАРА ТЭЛБОТ, ВЛАДЕЛИЦА». Буква «Ц» в слове «ВЛАДЕЛИЦА» отвалилась и лежала на земле. Бен припарковался у крыльца и заглушил двигатель.

Внутри пахло жареным луком и старыми газетами. Закусочная была длинной и узкой, как вагон поезда, с барной стойкой из тёмного дерева, обитой по краю потрескавшимся дерматином. Вдоль стены тянулись кабинки с высокими спинками, и в каждой висела лампа под оранжевым абажуром, но горели только две. Пол был застелен линолеумом, который когда-то, наверное, был в красно-белую клетку, но теперь вытерся до серой основы, и только в углах ещё виднелись остатки узора.

На стене за стойкой висела доска с меню: «Яичница с беконом — \$3.50», «Клэм-чаудер — \$4.00», «Пирог с пато-

кой — \$2.00». Цены были подозрительно низкими даже для Мэна. Под доской стояла стеклянная витрина с пирогами, но пирогов в ней не было — только пустая тарелка с засохшей крошкой и муха, ползущая по стеклу изнутри.

За стойкой никого не было. Вентилятор под потолком лениво месил спёртый воздух, и его лопасти отбрасывали на стены дрожащие тени. В дальней кабинке, у окна, заляпанного солью до молочной непрозрачности, сидел старик в рыбацкой куртке — грубой, оранжевой, с заплатками на локтях. Он сгорбился над чашкой с чем-то, что даже издали выглядело холодным и безжизненным, и не двигался. Бен кивнул ему, приближаясь к стойке, и тогда старик поднял голову. Лицо его напоминало пересохшую речную карту — сеть трещин и складок, между которыми светились два бледно-голубых, почти выцветших глаза. Кожа была такой тонкой, что сквозь неё просвечивали кости черепа, а на подбородке топорщилась редкая седая щетина. Он посмотрел на Бена так, как смотрят на вошедшего в пустой храм, — без удивления, с мрачным узнаванием.

— Закрывается, — произнёс старик, но тут же добавил, словно передумал: — Хотя для Кроу, пожалуй, открыто. Ты ведь Кроу, верно? Внук капитана.

Бен замер, не успев положить ладони на липкую поверхность стойки. Фамилию он не называл. В городе его не ждали, о приезде он не сообщал никому, кроме риелтора, но риелтор был из Бангора — города в шестидесяти милях отсю-

да — и передал ключи почтой, даже не встретившись лично. Бен никогда не был в Промис-Фоллс взрослым, только ребёнком, и то одно лето, которое почти не сохранилось в памяти. Никто не мог знать его в лицо. Никто.

— Простите? — переспросил он, чувствуя, как по спине пробегает холодок — не от страха, а от какого-то глубинного, инстинктивного узнавания, как будто он уже видел этого старика, слышал этот голос, стоял в этой закускойной. — Откуда вы...

— А ты похож, — перебил старик, не отвечая на вопрос. Он отодвинул чашку и вытер пальцы о рукав. Его ногти были жёлтыми и толстыми, как когти старой птицы, и под ними темнела грязь. — Та же кость. Тот же изгиб рта. Только очки эти дурацкие... у капитана очков не было. Он говорил: «Если Бог хотел, чтобы я носил стёкла на носу, он бы сделал меня витриной».

Бен снял очки и принялся протирать их краем рубашки — нервная привычка, которую Лора ненавидела больше всего. «Ты трёшь их, даже когда они чистые, — говорила она. — Это как-то... невротично». Он нацепил очки обратно и постарался, чтобы голос звучал ровно:

— Бенджамин Кроу. Я ищу дом Маргарет Кроу. Она была моей тётей.

В этот момент из двери за стойкой, завешенной полосатой занавеской, вышла женщина. Клара Тэлбот, надо полагать. Она была лет пятидесяти, с мощными руками мясника

и копной рыжих, тронутых сединой волос, стянутых в тугой пучок на затылке. На ней был засаленный фартук, когда-то белый, а теперь серый от времени и кухонной гари, и в зубах она держала незажжённую сигару. Она упёрла руки в бока и оглядела Бена с ног до головы — не враждебно, но оценивающе, как мясник оглядывает тушу, прежде чем взяться за разделочный нож.

— Кроу, — констатировала она, вынимая сигару изо рта. Голос у неё был низкий, прокуренный, с хрипотцой. — Надо же. Ещё один. Джулиан, ты чего к парню пристал? Дай человеку хотя бы сесть.

— Я не пристаю, — проворчал старик, которого, как теперь знал Бен, звали Джулиан Финч. — Я предупреждаю. Разница есть.

— Предупреждаешь ты или пристаёшь, это выглядит одинаково. — Клара повернулась к Бену и кивнула на табурет у стойки. — Садись. Кофе?

— Был бы очень признателен. — Бен опустил на табурет, и тот жалобно скрипнул под его весом. — Я не ожидал, что меня кто-то узнает. Я не был здесь с детства.

— Тут всех узнают, — сказала Клара, наливая кофе из стеклянного кофейника в толстую керамическую кружку с надписью «ПРОМИС-Фоллс — Лучшая рыба на восточном побережье». Буквы почти стёрлись. — Город маленький. Чужие не приезжают. А если приезжают — значит, у них здесь что-то есть. Дом, например. Или долг.

Она поставила кружку перед Беном. Кофе пах на удивление хорошо — крепкий, с горчинкой, без всякой соли. Бен сделал глоток и почувствовал, как тепло разливается по груди. Он не осознавал, насколько замёрз, хотя в закусочной было не холодно.

— Джулиан у нас смотритель маяка, — продолжала Клара, протирая стойку тряпкой, которая, кажется, только размазывала грязь. — Уже сорок лет как смотритель, хотя маяк теперь работает сам по себе. Автоматика. Но Джулиан всё равно туда ходит. Говорит, что автоматика не всё может.

— Автоматика не чувствует туман, — буркнул Финч, не оборачиваясь. Он по-прежнему сидел в своей кабинке и смотрел в окно, хотя смотреть там было не на что — только серая пелена. — Автоматика включает лампу по таймеру. А туман приходит, когда хочет. Ему плевать на таймер.

Бен перевёл взгляд со старика на Клару и обратно. Между ними чувствовалось какое-то напряжение — не враждебное, но давнее, привычное, как между людьми, которые спорят об одном и том же много лет и уже не ждут, что переубедят друг друга.

— А что не так с туманом? — спросил Бен, отпивая ещё кофе. — Я ехал в нём последние полчаса. Обычный туман. Густой, но...

— Обычный, — фыркнул Финч. — Ты слышал, Клара? Обычный.

Клара промолчала. Она убрала тряпку под стойку и при-

нялась переставлять банки с соленьями на полке за спиной. Её движения были неторопливыми, но в них чувствовалась какая-то нарочитая медлительность — как у человека, который старается не думать о том, что его тревожит.

Финч поднялся из кабинки и подошёл к стойке. Теперь, когда он стоял, Бен заметил то, чего не видел раньше: старик передвигался тяжело, с металлическим лязгом, доносящимся из-под штанин. Звук был сложный — не просто стук железа о дерево, а скрежет сочленений, тихий шелест трущихся деталей, влажное чавканье, как будто металл тёрся не о металл, а о что-то живое. Бен невольно опустил взгляд, но штанины были длинными, почти до пола, и скрывали то, что находилось под ними.

— Я Джулиан Финч, — сказал старик, хотя уже представился. — Смотритель маяка. Уже сорок лет как смотритель. — Он облокотился о стойку, и теперь его лицо было совсем близко. От него пахло йодом, солью и чем-то ещё, неуловимым, как запах старого железа, долго пролежавшего в морской воде. — Ты приехал в дом. Это хорошо. Тётя твоя была женщиной с головой. Она знала, что запирать тут нужно не от воров.

Он сделал паузу, и Бен заметил, как Клара за его спиной замерла с банкой в руках. В закусочной вдруг стало очень тихо — даже вентилятор под потолком, казалось, замедлил ход. Финч повернулся к окну и постучал костяшками по стеклу, хотя на улице всё равно никого не было.

— Запирать нужно от запахов, — сказал он, и глаза его в тусклом свете лампы показались вдруг не бледно-голубыми, а совершенно белыми, как у сваренной рыбы. — От того, что приходит вместе с туманом. Оно не ломится в дверь, Бенджамин. Оно просачивается сквозь щели, как дым, и пахнет... — Он замолчал, подбирая слово, и в тишине Бен услышал, как где-то в глубине закуской, в подвале, капает вода: кап-кап-кап, размеренно, как метроном. — Пахнет тем, что ты давно похоронил.

— Джулиан, — тихо сказала Клара, и в её голосе прозвучало предостережение. — Хватит.

— А что «хватит»? — огрызнулся Финч, не оборачиваясь. — Парень должен знать, куда приехал. Или ты хочешь, чтобы он понял это сам? Как мы?

Клара поставила банку на полку и скрестила руки на груди. Сигара в её зубах дрогнула.

— Я хочу, чтобы ты не пугал человека раньше времени, — сказала она. — Он только с дороги. Дай ему хотя бы доехать до дома.

— До дома, — повторил Финч и вдруг усмехнулся — сухо, невесело, одними уголками губ. — Дом — это самое опасное место. Ты это знаешь не хуже меня. Особенно этот дом.

Бен хотел улыбнуться, списать всё на старческий маразм, на провинциальные суеверия, но уголки губ не слушались. Он вдруг отчётливо вспомнил строчку из блокнота — «Оке-

ан помнит всё» — и почувствовал, как у него пересыхает во рту, а язык покрывается солевым налётом. Вкус был слабым, едва уловимым, но он был — тот самый вкус, который он почувствовал на заправке, когда попробовал соль вместо сахара. Джулиан, казалось, этого и ждал. Его белые глаза изучали лицо Бена с каким-то жутким удовлетворением, как у врача, который обнаружил у пациента ожидаемый симптом.

— Ты уже попробовал, — тихо сказал он, не спрашивая, а утверждая. — Ты въехал в туман с открытым окном, верно? Ничего. Пока только первая проба. Оно всегда пробует новоприбывшего на вкус. Как акула. Только акула кусает, а оно... лижет.

— Джулиан, — снова сказала Клара, на этот раз громче. — Достаточно.

Финч отмахнулся от неё, как от мухи, и шагнул ближе к Бену. Теперь они стояли в футе друг от друга, и Бен чувствовал, как от старика исходит холод — неестественный, пронизывающий, как от открытой морозильной камеры.

— Дом на холме, третий поворот после начальной школы, — сказал Финч. — Ты его узнаешь. Он похож на корабль, который выбросило на берег. Тётя твоя говорила, что дом построен без гвоздей, по корабельной технологии. Может, поэтому он ещё стоит. — Он помолчал, и его белые глаза сузились. — Запри ставни. Все. Даже те, что на чердаке. Даже те, что в подвале. Запри их, даже если день. Особенно если день. И не открывай окна ночью, что бы ты ни услышал

снаружи.

— А что я могу услышать? — спросил Бен, и собственный голос показался ему чужим, тонким, как бумага.

— Себя, — ответил Финч. — Ты услышишь себя. Только мёртвого.

Он развернулся и, лязгая протезами, двинулся к выходу. На полпути он остановился, не оборачиваясь, и добавил:

— Если ночью запахнет океаном — не верь. Океан отсюда в полумиле. Запаха быть не должно. А если он есть — значит, оно уже в доме.

Дверь за ним закрылась с глухим стуком, и колокольчик над притолокой звякнул — жалобно, сипло, как будто и он был болен. В закусочной снова стало тихо, только вентилятор под потолком скрипел, да капли в подвале отбивали свой бесконечный ритм. Бен посмотрел на Клару. Она стояла, привалившись спиной к полке с соленьями, и лицо её было бледным, сосредоточенным — не испуганным, нет, но каким-то слишком серьёзным.

— Он всегда такой? — спросил Бен, пытаясь вернуть голосу лёгкость. Получилось не очень.

Клара вынула сигару изо рта, повертела в пальцах и сунула обратно. Огонь она так и не зажгла.

— Финч? — Она пожала плечами. — Финч — железный человек. В прямом смысле. У него там под штанами — не ноги, а механизм. Говорит, что сам их сделал. Говорит, что старые ноги у него отгрызли. — Она посмотрела на Бена в

упор, и в её глазах он увидел что-то, чего не заметил раньше: не страх, не злобу, а усталую, терпеливую готовность. Готовность к тому, что всё повторится. — Он много чего говорит, Бенджамин Кроу. И знаешь что? Я бы на твоём месте его слушала.

Она налила ему ещё кофе, не спрашивая, и пододвинула тарелку с куском яблочного пирога — неизвестно откуда взявшимся, потому что витрина была пуста. Пирог был тёплым и пах корицей. Бен съел его, не чувствуя вкуса, запил кофе и полез в карман за бумажником.

— Не надо, — сказала Клара. — Деньги Кроу в этом городе не берут. Так заведено.

— Почему?

— Потому что Кроу уже заплатили. — Она взяла пустую тарелку и унесла за занавеску, и Бен остался один в пустой закусочной, с чувством, что его только что проклинали. Или благословили. Он не мог понять, что из этого хуже.

Он не помнил, как вышел из «Якоря» и сел в машину. Дверца захлопнулась, отрезав его от уличного тумана, и в тишине салона он услышал, как громко и часто бьётся сердце. Блокнот на пассажирском сиденье лежал открытым, и строчка «Океан помнит всё» смотрела на него, как приговор. Бен протянул руку, чтобы закрыть блокнот, но в последний момент отдёргнул пальцы — бумага показалась ему влажной. Этого не могло быть. Он не проливал на неё кофе, не опускал стёкла, дождя не было. Но страница была сырой, и чер-

нила под единственной строкой слегка расплылись, образовав причудливый узор, напоминающий спираль.

Ключ зажигания выскользнул из пальцев и звякнул под сиденье; пока Бен его доставал, туман снаружи стал плотнее. Теперь он не просто висел в воздухе — он двигался. Медленно, тяжело перекатываясь через дорогу, как студень. Уличные фонари гасли один за другим, словно кто-то огромный прикрывал их ладонями, и «Субару» погрузился в темноту, которую разрезали только фары — две бледные, дрожащие колонны света, упирающиеся в серую стену в двадцати футах впереди. Бен завёл двигатель и медленно, на первой передаче, покотил по главной улице.

Дома по обеим сторонам были одинаковыми — двухэтажные, деревянные, с покатыми крышами и маленькими верандами, — и на первый взгляд ничем не отличались от домов в любом другом прибрежном городке Мэна. Но Бен заметил деталь, от которой у него похолодели пальцы, сжимающие руль. Ставни. На каждом окне, на каждой двери были закрыты ставни, прижатые чугунными засовами. Не просто закрыты — забаррикадированы. Кое-где засовы были такими массивными, что, казалось, их вкручивали в стены с расчётом выдержать осаду. Но самое странное было не это. Ставни были закрыты изнутри. Бен проезжал мимо дома, в котором тускло горел свет — значит, внутри кто-то был, — но ставни были наглухо задраены. Эти люди не боялись того, что снаружи. Они боялись, что снаружи проберётся внутрь.

В одном дворе он заметил перевернутый детский трёхколёсный велосипед — ярко-красный, с белыми ручками руля и пластмассовым флажком на длинном шесте. Переднее колесо велосипеда вращалось. Медленно, со слабым скрипом, но вращалось, хотя ветра не было, а ребёнка, который мог бы его толкнуть, — тем более. Бен проехал мимо, стараясь не смотреть в зеркало заднего вида, но всё-таки посмотрел. Колесо крутилось. И крутилось. И крутилось.

На окраине, там, где дорога начинала забираться вверх, к холму, стояла начальная школа. Здание было двухэтажным, из потемневшего кирпича — гораздо старше остальных построек, словно его перенесли сюда из другого, более мрачного века. Окна первого этажа были заколочены досками крест-накрест, но окна второго этажа зияли пустыми проёмами — ни стекла, ни рам, только чернота внутри. Бен замедлил ход, хотя всё в нём кричало: жми на газ, уезжай отсюда, не смотри. Он не мог не смотреть. Фары выхватили из темноты облупившуюся вывеску над входом: «НАЧАЛЬНАЯ ШКОЛА ПРОМИС-Фоллс». И ниже, более мелкими буквами, которые кто-то старательно закрасил чёрной краской, но недостаточно тщательно: «ЗАКРЫТА В 1952 ГОДУ».

В одном из проёмов второго этажа что-то шевельнулось. Это была не тень от ветки — ветер по-прежнему отсутствовал, и деревья вокруг стояли неподвижно, как нарисованные. Это было сгущение тьмы, которое на мгновение приня-

ло очертания человеческой головы и плеч, склонённых над подоконником.

Оно смотрело на Бена. Он чувствовал этот взгляд — холодный, липкий, скользящий по лицу, как ледяной палец. А потом тьма моргнула. Не исчезла, не отступила — именно моргнула, закрыв и открыв два бледных, болотных огонька там, где у человека были бы глаза. Бен надавил на газ, и «Субару», взвизгнув шинами на мокрой листве, рванулся дальше, оставляя школу за спиной. Он не смотрел в зеркало заднего вида. Он знал, что если посмотрит, то увидит, как из всех оконных проёмов одновременно вытекают струйки тумана и ползут по кирпичной кладке вниз, к земле, как голодные змеи.

Дом тёти Маргарет стоял на самом гребне холма — трёхэтажный викторианский особняк с островерхой крышей и верандой, опоясывающей первый этаж. Когда-то, наверное, он был прекрасен — с резными наличниками, с башенкой над мансардой, с кружевной отделкой карнизов, — но теперь красота обернулась чем-то болезненным. Краска на стенах когда-то была голубой, но теперь превратилась в серую чешую, которая лохмотьями висела на досках, обнажая потемневшее, потрескавшееся дерево. Ставни были закрыты, как и везде в городе, но одна створка на втором этаже сорвалась с петли и висела косо, поскрипывая в такт неслышному ветру. Труба покосилась, но не упала, и из неё не шёл дым. Сад вокруг дома давно одичал — кусты разрослись в колючие

заросли, трава поднялась по пояс, а старая яблоня у крыльца протянула голые ветви к окнам мансарды, как нищенка, просящая подаяния.

Бен заглушил двигатель и несколько минут сидел, слушая, как остывающий мотор потрескивает, а где-то внизу, в невидимом океане, бьётся о сваи прилив. Ветра по-прежнему не было. Тишина стояла такая глубокая, что он слышал собственный пульс — ровный, размеренный, — и ещё что-то, очень далёкое, похожее на радиопомехи или азбуку Морзе, которую кто-то выстукивает не по металлу, а по влажному дереву. Точка-тире-точка. Пауза. Тире-тире-тире. Пауза. Точка-точка-тире. Он не знал азбуку Морзе — или думал, что не знал, — но эти звуки казались ему смутно знакомыми, как колыбельная, которую он слышал в детстве.

Он взял с сиденья блокнот, ключи от дома — старый конверт из плотной бумаги, подписанный рукой риелтора: «Кроу, Промис-Фоллс, дом Маргарет Кроу. Ключи: входная дверь, чёрный ход, подвал», — и вышел из машины. Под ногами захрустел гравий, перемешанный с битыми ракушками. Дорожка к крыльцу была выложена плитами песчаника, которые заросли мхом и ушли в землю почти на треть. Ступеньки крыльца прогнулись под его весом и издали звук, напоминающий сдавленный кашель, а когда он ступил на веранду, половицы отозвались долгим, вибрирующим стоном, который прокатился под ногами и затих где-то в глубине дома. Дверь была не заперта — риелтор, наверное, не стал

запирать, потому что воровать в доме тёти Маргарет было нечего, а может, потому что сам боялся заходить внутрь, — и Бен толкнул её створку. Та подалась легко, без скрипа, словно её недавно смазали.

Изнутри потянуло запахом старой бумаги, камфары и ещё чем-то, почти неуловимым, как послевкусие на языке: сладко-солёным, гниlostным, с примесью железа. Запахом, которого не должно быть в доме, пустовавшем полгода. Запахом, который был знаком Бену, хотя он не мог вспомнить откуда.

Он переступил порог и оказался в просторной прихожей, над которой нависала тёмная лестница, уходящая на второй этаж. Пол был устлан выцветшим ковром с восточным узором, и узор этот, казалось, двигался в полумраке, извивался, как щупальца. На стенах висели фотографии в тяжёлых дубовых рамках — Бен не мог разглядеть лиц, но чувствовал, что они смотрят на него. С вешалки у двери свисал старый плащ, забытый кем-то много лет назад, и его рукава слегка покачивались, хотя сквозняка в прихожей не было. Где-то в глубине дома тикали часы — негромко, размеренно, но их тиканье звучало странно, как будто механизм внутри сбился с ритма и теперь отсчитывал не секунды, а что-то другое.

На мгновение Бену показалось, что на веранде, в тени за плетёным креслом, стоит фигура — просто сгусток тумана, принявший форму человека, — но стоило моргнуть, и там никого не оказалось. Только мокрое пятно на половицах, от

которого медленно поднимался пар, и прилипший к перилам клочок истлевшей рыболовной сети, качающийся на несуществующем ветру.

Он закрыл за собой дверь. Замок щёлкнул — сухо, металлически, окончательно — и язычок холодил пальцы, хотя перчаток Бен не надевал. За окнами, за плотно закрытыми ставнями, туман подбирался всё ближе, обнимал дом со всех сторон, пробовал щели на вкус. А где-то наверху, на втором этаже, в комнате, которую Бен ещё не видел, что-то медленно, тяжело перевернулось с боку на бок — как человек, который спал очень долго и наконец начал просыпаться.

Бен стоял в прихожей, сжимая в руке блокнот, и думал, что Джулиан Финч ничего не сказал о том, что делать, если запахи прошлого уже внутри. Но теперь он знал. Ничего. С этим ничего нельзя сделать. Можно только подняться наверх, лечь в постель, от которой пахнет плесенью и чужой старостью, и ждать, когда туман решит, что первая проба была недостаточной.

Глава 2. Кладбище кораблей

Утро не принесло облегчения. Солнце, если оно и взошло, осталось где-то за плотной пеленой, и свет, сочившийся сквозь пыльные окна гостиной, был серым и водянистым, как бульон, который слишком долго варили. Бенджамин проснулся на диване, не раздеваясь, с таким ощущением, будто всю ночь провёл под водой, а теперь лёгкие никак не могли вспомнить, как дышать воздухом. Шея затекла — он спал, подложив под голову вместо подушки свёрнутую куртку, — и левое плечо ныло тупой, монотонной болью. Во рту стоял металлический привкус, а язык казался чужим, распухшим, и Бен машинально провёл пальцем по нёбу, словно ожидая нащупать там что-то скользкое. Ничего не было. Только сухость и соль.

Он сел, спустил ноги на пол и замер, глядя на свои ботинки. Подошвы были мокрыми, хотя дождя ночью он не слышал, а вокруг каблуков на тёмном паркете растеклись маленькие лужицы, в которых плавали микроскопические крупинки песка и что-то ещё — крошечные, полупрозрачные чешуйки, переливающиеся в скудном утреннем свете. Следы вели от входной двери к дивану и обрывались у его ног. Бен проследил их взглядом в обратную сторону — и увидел, что дверь приоткрыта на пару дюймов, а в щель тянется узкая полоска тумана, ленивая и цепкая, как язык животного, пробующего воздух. Он точно помнил, что закрывал дверь. Он помнил, как проверял замок, дважды, может, трижды, и

слышал, как язычок вошёл в паз с глухим, окончательным щелчком. Он помнил, как привалился к двери спиной и стоял так несколько минут, слушая тишину. И всё же дверь была открыта.

Он подошёл и захлопнул её, на этот раз повернув ручку до упора и подёргав для верности. Засов был старым, чугунным, с гравировкой в виде якоря — Бен заметил её только сейчас. Якорь был обвит цепью, и цепь эта складывалась в буквы. Он наклонился ближе и разобрал: «ДЕРЖИСЬ». Не «ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ», не «БЛАГОСЛОВИ ГОСПОДЬ ЭТОТ ДОМ», а «ДЕРЖИСЬ» — коротко, мрачно, как приказ. Тётя Маргарет, судя по всему, была женщиной, которая не тратила слов зря. Бен провёл пальцем по буквам и отдёргнул руку: металл был ледяным. Не просто холодным — обжигающе ледяным, словно его только что вынули из морозильной камеры. Хотя в доме было душно и влажно.

Туман снаружи был всё таким же густым, хотя по времени близился полдень. Сквозь грязное стекло Бен смутно различал очертания пирса внизу, у подножия холма, — чёрные сваи, торчащие из серой воды, как рёбра полузатопленного скелета. Вода была неподвижной, маслянистой, и отражала небо так скупо, что казалась не водой, а ртутью. Он отвернулся от окна и заставил себя заняться домом. Первым делом — кофе. Если в этом доме и было что-то, способное вернуть его к жизни, то это должен был быть кофе.

Кухня встретила его запахом плесени и старого жира. Бен

открыл шкафчики один за другим: банки с консервацией, пакеты с мукой, в которой завелись жучки, коробка с солью, коробка с сахаром (он попробовал — на этот раз сахар был сахаром), жестяная банка с надписью «КОФЕ», выведенной от руки. Внутри действительно был кофе — молотый, сухой, пахнувший на удивление прилично. Он нашёл джезву в шкафу над плитой, старую, медную, с длинной деревянной ручкой, и поставил её на конфорку. Плита была газовая, но газ, кажется, давно перекрыли — горелка не зажигалась, сколько он ни щёлкал колёсиком. Он выругался сквозь зубы и принялся искать спички.

Спички нашлись в ящике с ложками и вилками, который выдвинулся с таким скрипом, словно его не открывали лет десять. Но внутри было чисто, аккуратно, и ножи лежали в специальном отделении, а вилки — в другом, и всё это было застелено старой газетой, пожелтевшей и ломкой. «ПРОМИС-Фоллс ГАЗЕТТ», — прочитал Бен заголовок. — «ТРАГЕДИЯ НА ФЛОТЕ: ОДИННАДЦАТЬ ШХУН ПРОПАЛИ БЕЗ ВЕСТИ». Дата — 19 октября 1952 года. Он хотел взять газету, развернуть, прочитать, но джезва начала закипать, и он отвлёкся.

Кофе получился горьким и слишком крепким, но это было то, что нужно. Бен пил его стоя, облокотившись о буфет, и разглядывал кухню. Она была маленькой, но уютной — или была бы уютной, если бы не странное чувство, что за ним наблюдают. На подоконнике стояла банка с заспиртованными

ми огурцами, в которой плавало что-то бледное и сморщенное. Он подошёл ближе и тут же пожалел об этом: в мутном рассоле, среди укропных зонтиков и зубчиков чеснока, плавал не огурец. Это было что-то другое. Маленькое, размером с детский кулачок, с пятью отростками, отдалённо напоминавшими пальцы. Бен отшатнулся и задвинул банку за занавеску. Решил, что разберётся с этим позже. Или никогда.

Он вышел на задний двор — просто чтобы глотнуть воздуха, который, как он надеялся, будет чище, чем в доме. Двор был запущен до состояния маленьких джунглей: бурьян поднимался по пояс, кусты жимолости разрослись в колючую изгородь, а старая каменная дорожка уходила в заросли крапивы. В углу участка, прислонённый к покосившемуся сараю, ржавел остов старого «Шевроле» без колёс. Капот был открыт, и в двигателе свила гнездо какая-то птица — Бен видел солому и пух, торчащие между цилиндрами. Он подошёл ближе, просто из любопытства, и заметил на ржавом крыле надпись, выведенную пальцем по пыли: «НЕ УЕЗЖАЙ». Буквы были свежими, чёткими — их оставили недавно, может, вчера, может, сегодня ночью. Он огляделся. Никого. Только туман, цепляющийся за ветки кустов, да далёкий крик чайки, похожий на детский плач. Он поспешил вернуться в дом.

Дом был большой, гораздо больше, чем требовалось одинокому писателю без семьи и перспектив. Бен решил, что нужно хотя бы бегло осмотреть его при свете дня — вче-

ра вечером он просто рухнул на диван, не разбирая дороги. Он обошёл гостиную, столовую с длинным дубовым столом, на котором стоял канделябр с оплывшими свечами, маленькую библиотеку, заставленную книгами в кожаных переплётах. Книги пахли пылью и временем, и корешки их были на латыни — Бен разобрал только «De Profundis» и что-то про «Mare Incognitum». Он провёл пальцем по корешкам, и те отозвались глухим, ворчливым шорохом, словно потревоженные звери. В углу библиотеки стояло пианино с пожелтевшими клавишами, и когда Бен случайно задел крышку локтем, инструмент издал низкий, вибрирующий звук, который прокатился по комнате и затих не сразу, а словно ушёл в стены. Он отдернул руку. Ему не понравилось, как задрожали половицы под ногами в ответ.

На втором этаже было четыре спальни и ванная. Бен заглянул в каждую: кровати застелены, подушки взбиты, на тумбочках — пустые графины и подсвечники. Всё было готово к приёму гостей, которые не приехали. В спальне тёти Маргарет — самой большой, с эркером, выходящим на океан, — на туалетном столике стояла фотография в серебряной рамке.

Бен взял её в руки. С фотографии на него смотрела женщина с суровым, не улыбающимся лицом и такими же тёмными глазами, как у него. Рядом с ней стоял мальчик лет десяти, с серьёзным лицом и книгой в руках. Бен перевернул рамку. На обороте было написано: «Маргарет и Бенджамин, июль

1987». Он вспомнил это лето — смутно, фрагментарно, как вспоминают сон через много лет после пробуждения. Запах соли, крики чаек, старая лодка у пирса, и тётя Маргарет, которая говорила: «Ты похож на своего деда, Бенни. У тебя такие же глаза. Такие же руки. Только не пиши о море. Обещай мне, что не будешь писать о море». Он тогда пообещал. И забыл об обещании на тридцать с лишним лет.

Лестница на чердак обнаружилась в дальнем конце коридора, за дверью, которую он сперва принял за стенной шкаф. Дверь была не заперта, но открывалась с сопротивлением, словно кто-то давил на неё с той стороны, — Бену пришлось навалиться плечом, и когда створка наконец поддалась, он едва не упал, ввалившись в узкий проём. Ступеньки скрипели под его весом, и каждый скрип звучал по-разному: нижняя — как всхлип, вторая — как сухой кашель, третья промолчала, и это молчание испугало его больше всего. Он поднялся на чердак и выпрямился под скошенным потолком, с которого свисали пучки сушёных трав, обмотанные нитками с бусинами — лаванда, шалфей, розмарин, какие-то растения, которых Бен не узнавал. Пахло пылью и сухой травой, но под этим запахом прятался другой — затхлый, влажный, какой бывает в трюме старого корабля. Пахло солью и деревом, долго пролежавшим в воде.

В углу, под слуховым окном, затянутым паутиной, стоял сундук. Не старый обитый жестью дорожный кофр, не бабушкин бельевой комод — настоящий морской сундук с по-

тускневшими медными петлями, на которых зеленела окись. Дерево было тёмным, почти чёрным, и на нём проступали разводы соли — словно сундук когда-то побывал на дне океана и его вытащили обратно. Крышка была закрыта, но не заперта, и на ней кто-то выцарапал ножом два слова: «ЭДВАРД КРОУ».

Буквы были неровными, но глубокими, врезанными в дерево с такой силой, что края борозд пожелтели и занозились. Дед. Бен опустился на колени перед сундуком, и половицы под ним жалобно застонали, а пыль поднялась в воздух и затанцевала в луче света, пробивавшемся сквозь паутину окна. Он поднял крышку. Петли не скрипнули — они открылись беззвучно, словно ждали этого момента.

Первым, что он увидел, был дневник. Толстая тетрадь в кожаном переплёте, стянутая ремешком с медной пряжкой. Кожа была тёмно-коричневой, почти чёрной, и на ней проступали разводы — не то от воды, не то от времени. Рядом лежала коробка из-под сигар, старая, деревянная, с выцветшей этикеткой, на которой улыбался толстощёкий моряк с трубкой в зубах. И ещё там были карты — свёрнутые в трубку навигационные карты, перетянутые бечёвкой, — и компас. Компас был старым, латунным, с треснувшим стеклом, и его стрелка не указывала на север. Она медленно вращалась по кругу — раз в несколько секунд описывая полный оборот, — словно не могла решить, в какой стороне опасность.

Бен взял дневник. Кожа была холодной и чуть влажной на

ощупь, как кожа змеи. Он отстегнул пряжку и открыл наугад, где-то посередине. Страницы были плотными, желтоватыми, с неровными краями — видимо, дед вырывал их из какой-то другой тетради и вшивал сюда. Почерк был мелким, убористым, с наклоном влево, и буквы цеплялись друг за друга, как утопающие. Бен поднёс страницу к свету и начал читать.

«Туман пришёл в три часа пополудни. Мы думали, это обычный туман, из тех, что напоздают с Ньюфаундленда и висят по двое суток. Но этот был тёплый. И он дышал. Я стоял у штурвала и чувствовал, как он затекает в ноздри, в рот, в уши, и в голове у меня зазвучали голоса. Они говорили не словами, а чувствами. Голод. Такой голод, какого я не знал с детства, когда мать запирала меня в подполе на весь день. Но это был не мой голод. Это был голод того, что лежит на дне и ждёт».

Бен перевернул страницу, затем ещё одну. Записи становились всё более бессвязными. Даты исчезли. Почерк портился — буквы плясали, напоздали друг на друга, строки загибались вверх и вниз. На полях появились рисунки — спирали, круги, фигуры, похожие на рыб с человеческими глазами. Одна из страниц была покрыта единственной фразой, написанной печатными буквами и обведённой несколько раз, пока ручка не прорвала бумагу: «ОНО ПРОБУЕТ НАС НА ВКУС». Чернила здесь были другого цвета — не выцветшие синие, а бурые, с ржавым оттенком. Бен поднёс страницу к лицу и понюхал. Пахло железом. Кровь. Дед писал это кро-

вью.

Он захлопнул дневник. Ремешок выскользнул из пальцев, и пряжка звякнула о деревянную крышку сундука — звук был неожиданно громким в чердачной тишине. И тогда Бен осознал эту тишину. Она была неестественной, ватной, абсолютной — ни скрипа половиц, ни завывания ветра, ни крика чаек. Даже пыль перестала танцевать в луче света. Весь дом затаил дыхание. Ждал.

Он потянулся к коробке из-под сигар. Внутри лежали фотографии — стопка старых чёрно-белых карточек с зазубренными краями. Некоторые пожелтели, некоторые пошли пятнами сырости, некоторые были чистыми, словно их только вчера напечатали. На первой — рыболовная шхуна «Морская Звезда», гордость флота Промис-Фоллис, снятая у пирса в солнечный день.

Бен сразу узнал её по описаниям из дневника: высокая корма, две мачты, на борту — название, выведенное белой краской. Команда стояла на палубе: десяток мужчин в свитерах и зюйдвестках, и все они улыбались, кроме одного. Тот стоял с краю, высокий, с тёмными глазами и впалыми щеками, и смотрел не в объектив, а куда-то вбок, на воду. Бен перевернул карточку. На обороте тем же наклонным почерком, но более аккуратным, было написано: «Эдвард Кроу, капитан. Июнь, 1952». Он снова посмотрел на снимок. Дед был похож на него. Вернее, Бен был похож на деда — тот же разрез глаз, тот же изгиб рта, те же скулы. Только у капитана не

было очков, а подбородок покрывала двухдневная щетина, делавшая его лицо жёстче, суровее. Бен провёл пальцем по изображению, и его передёрнуло — от фотографии исходил холод. Не физический, но ощутимый. Как от засова на двери.

Он отложил первое фото и взял следующее. И тут же выронил его.

Пальцы разжались сами собой, словно карточка обожгла кожу. Фотография упала на пол чердака лицом вверх, и Бен увидел её снова — уже не в руках, а на пыльных досках, — и она была ещё ужаснее, чем в первый момент. Тот же корабль. «Морская Звезда». Но снятый ночью, при свете прожектора — резком, безжалостном, вырывающем из темноты каждую деталь.

Палуба была покрыта чем-то тёмным, блестящим, что растекалось лужами и стекало в шпигаты. Фигуры людей лежали в этих лужах — переплетённые, изломанные, с неестественно вывернутыми конечностями, как у сломанных кукол. Они были мертвы. Все до единого. И на переднем плане, прямо перед объективом, лежало тело — мужчина с запрокинутой головой и открытым ртом, и Бен не сразу понял, что видит, а когда понял, желудок сжался в тугой, ледяной ком. Рот был забит не зубами, не языком — чем-то белым, клочковатым, светящимся в темноте. Сгустками тумана.

Он отшатнулся от сундука, ударился затылком о низкую балку и зажмурился от боли. Перед глазами поплыли красные круги. Но картинка уже впечаталась в сетчатку: мёртвое

лицо, разорванный рот, белые клочья внутри — не пена, не рвота, а что-то, что продолжало светиться даже на фотографии, даже спустя семьдесят лет. Что-то живое. И тогда пришёл вкус.

Он возник не во рту — глубже, в гортани, в пищеводе, словно Бен только что проглотил ложку тухлой устрицы. Солёный. Гнилостный. Сладковатый, с металлическим послевкусием — как кровь, но не кровь. Так пахнет океан во время «красного прилива», когда водоросли отравляют воду идохлая рыба всплывает брюхом вверх на мили вокруг. Вкус был настолько реальным, настолько всеобъемлющим, что Бен согнулся пополам, и его вырвало — прямо на пыльный пол чердака, на фотографию, на дневник. Желудок выворачивалоснова и снова, хотя ел он в последний раз сутки назад, и вместе с желчью из горла выходила какая-то густая, тягучая субстанция, прозрачная, но с зеленоватым отливом. Она светилась. Слабо, едва заметно — но светилась тем же болотным светом, что и клочья тумана на фотографии.

Когда спазмы прекратились, он стоял на четвереньках, хватая ртом спёртый воздух, и слышал, как в висках стучит кровь — часто, громко, как тамтам. Горло саднило. В носу стоял запах гнили. Он вытер рот рукавом и посмотрел на лужу перед собой — она уже впиталась в дерево, оставив только тёмное пятно и горстку мокрой пыли. Фотография, на которую его вырвало, была чистой. Ни следа. Ни капли. Словно ничего не было.

Бен не помнил, как спустился с чердака. Не помнил, как миновал лестницу со ступеньками-всхлипами и как оказался в ванной на первом этаже. Ванная была маленькой, облицованной белым кафелем, который местами пожелтел и пошёл трещинами. Над раковиной висело зеркало — старое, в тяжёлой дубовой раме, с серебряной амальгамой, которая местами потемнела и пошла пузырями. Собственное отражение показалось Бену чужим: лицо бледное, с сероватым отливом, губы синеватые, под глазами залегли тени, которых не было вчера. Он выглядел так, будто не спал неделю. Или будто провёл неделю под водой.

Он включил воду. Кран задрожал, загудел, и из него потекла рыжая струя, которая постепенно стала прозрачной. Бен набрал воды в ладони и плеснул в лицо. Вода была ледяной и солёной, почти как морская, и щипала глаза сильнее, чем следовало. Он полоскал рот снова и снова, но вкус никуда не уходил. Он просто затаился где-то в глубине, у корня языка, в мягких тканях нёба, как зверь, который ждёт темноты, чтобы снова дать о себе знать. Бен прополоскал рот в четвёртый раз и поднял глаза к зеркалу.

За его плечом, в дверном проёме ванной, стоял туман.

Не клуб, не облако — фигура. Человеческая, сотканная из серых, медленно перетекающих прядей. У неё были плечи, руки, голова — всё размытое, нечёткое, как фотография не в фокусе. На месте глаз горели два сгустка более тёмного, более плотного тумана, и они светились — слабым, болотным,

знакомым светом. Бен не дышал. Он смотрел в зеркало, не в силах отвести взгляд, и чувствовал этот взгляд кожей — холодный, липкий, скользкий по затылку и позвоночнику, как ледяной палец. Фигура не двигалась. Просто стояла и смотрела. Прошла секунда, может, пять, может, минута — время растянулось и лопнуло, как резиновый жгут.

Бен, всё ещё глядя в зеркало, медленно, не оборачиваясь, протянул руку к выключателю. Пальцы нащупали гладкий пластик. Он нажал.

Лампа над раковиной вспыхнула и тут же погасла с сухим треском. Но в ту долю секунды, пока горел свет, Бен увидел — не в зеркале, а в самом стекле, в самой амальгаме, в тёмной глубине посеребрённого стекла, — что фигура за его спиной не отступила. Она подалась вперёд. Приблизилась. Её лицо — или то, что было на месте лица, — оказалось в нескольких дюймах от его затылка. И там, где у человека был бы рот, туман раскрылся чёрной, бездонной щелью, из которой пахнуло солью и гниением. А потом свет погас окончательно, и наступила темнота — не считая двух болотных огоньков, которые ещё несколько мгновений висели в воздухе, а потом погасли и они.

Бен стоял в крошечной тьме, вцепившись в холодный край раковины, и слушал. В тишине дома что-то медленно, тяжело спускалось по лестнице с чердака, и каждая ступенька издавала свой особенный звук. Всхлип. Кашель. Молчание. Всхлип. Кашель. Молчание. Шаги стихли на втором эта-

же. Потом — на первом, прямо за дверью ванной. А потом наступила тишина. Долгая. Густая. Затаившая дыхание.

Он не помнил, сколько времени прошло, прежде чем он заставил себя выйти в коридор. Сначала — просунуть руку в щель, нащупать стену. Потом — шаг, ещё шаг, и вот он уже стоит в коридоре, и вокруг темнота, и только из гостиной пробивается слабый, серый свет сквозь пыльное окно. Шаги стихли. В доме снова было тихо, только ветер снаружи наконец-то подал голос — заунывный, долгий стон, от которого дребезжали оконные рамы и шевелились занавески. Бен на ощупь добрался до гостиной, нашёл на подоконнике коробок спичек — тот самый, что заметил утром, — и дрожащими пальцами зажёл одну.

Огонёк осветил комнату. Кресло тёти Маргарет, пустое. Пианино с пожелтевшими клавишами, молчащее. Ковёр с вытертым узором. И входная дверь. Снова открыта. Настежь. На пороге, на выцветшем коврикe с надписью «ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ» — буквы вытерты почти до неразличимости, — лежала горсть мелкой рыбьей чешуи, мокрой и блестящей, и обрывок старой, истлевшей рыболовной сети, той самой, которую он видел вчера на перилах веранды. Чешуя была тёплой. Он не прикасался к ней, но чувствовал тепло, исходящее от неё, — слабое, влажное, как от живого существа.

Спичка догорела до пальцев, обожгла кожу, и Бен выронил её. Огонёк упал на пол и погас, оставив его в темноте, один на один с запахом океана и вкусом тумана, который те-

перь, казалось, пропитал всё — и стены, и воздух, и его собственную кровь. Он стоял в темноте и думал, что нужно закрыть дверь. Нужно запереть её на засов. Нужно найти свечу, зажечь свет, сделать хоть что-то. Но вместо этого он пошёл к окну и выглянул на улицу.

Внизу, у подножия холма, туман на мгновение разорвался, открыв полосу чёрной воды и остов какого-то судна, ползатопленный и ржавый, но видимый так чётко, словно находился не в миле от берега, а прямо под окнами. Судно лежало на боку, вросшее в песок и камни, и его иллюминаторы светились тусклым, подводным светом — тем самым, болотным, который Бен уже видел в глазах туманной фигуры. Он смотрел на корабль, пока туман не сомкнулся снова, и в голове у него крутилась одна-единственная мысль: он даже не знает, где именно погиб дед.

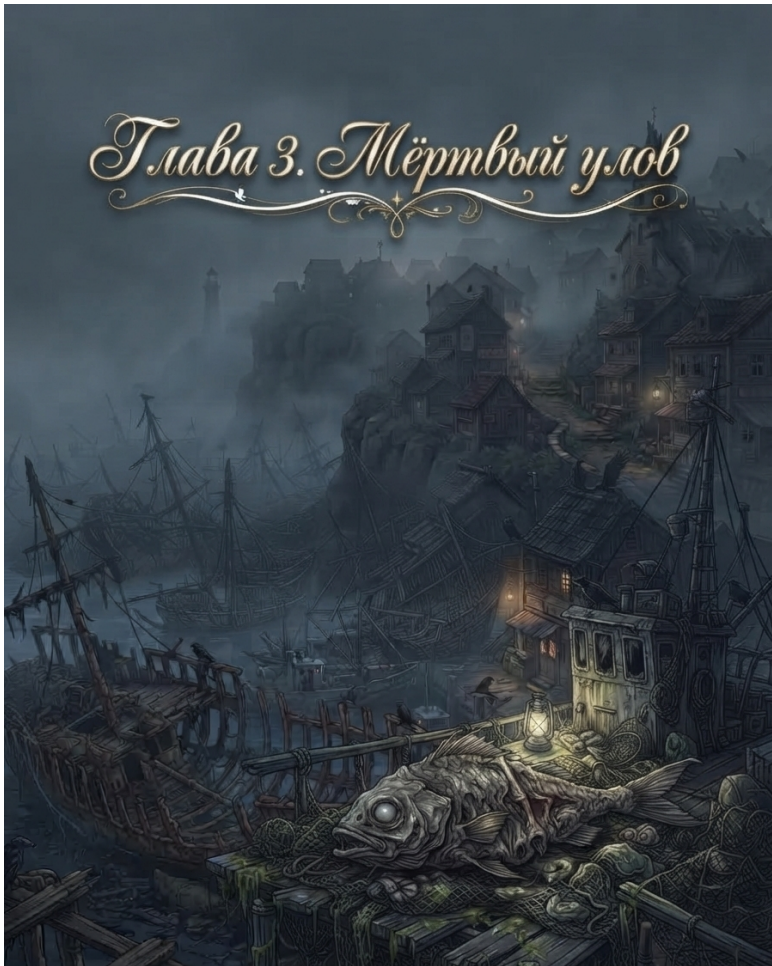
Он не знает, что случилось с флотом. Он не знает, почему школа закрыта с 1952 года, почему рыбаки отворачиваются при упоминании фамилии Кроу, почему Джулиан Финч говорит о запахах и тумане так, словно это живые существа. Но фотографии знают. И дневник знает. И что-то в этом доме — что-то, что прячется на чердаке, в сундуке, в банках с заспиртованными огурцами, — очень хочет, чтобы он узнал тоже.

Бен отошёл от окна, на ощупь закрыл дверь, задвинул засов — «ДЕРЖИСЬ», — и в темноте гостинной, не зажигая больше спичек, начал собираться. Ему нужно было в город.

Нужно было найти кого-то, кто расскажет правду. Или хотя бы даст ему фонарик.

Глава 3. Мёртвый улов

Глава 3. Мёртвый улов

Порт Промис-Фоллс встретил Бена запахом дохлой рыбы и дизельного топлива — запахом настолько густым и въедливым, что, казалось, им пропитались даже облака, низко нависшие над водой. Он оставил машину на гравийной стоянке у пирса, заглушил двигатель и несколько минут сидел, глядя сквозь лобовое стекло на серую, подёрнутую рябью воду. Дворники оставили на стекле дугообразные разводы, и в этих разводах мир казался искажённым, словно отражение в старом зеркале. Бен потянулся к бардачку, достал помятую пачку сигарет — он бросил три года назад, но сейчас, в этом городе, в этом тумане, старая привычка показалась единственным якорем. Зажигалка щёлкнула раз, другой, третий, но пламя не появилось. Он выругался, бросил сигареты обратно и вышел из машины.

Ветер здесь, у воды, дул не переставая — холодный, пронизывающий, пахнувший йодом и гниющими водорослями. Он гнал над поверхностью рваные клочья тумана, которые цеплялись за мачты и сваи, как грязные бинты. Бен сунул руки глубоко в карманы куртки и пошёл вдоль причалов, горбясь под порывами. Стоянка была почти пуста — только пара ржавых пикапов, старый «Форд» с разбитой фарой да его собственный «Субару», который здесь, среди этой запустелости, выглядел неуместно новым.

У въезда на пирс висела доска объявлений, заклеенная выцветшими листовками: «ПРОПАЛА СОБАКА. Клич-

ка Барни. Окрас рыжий. Вознаграждение», «ПРОДАЁТСЯ ЛОДКА. Без мотора. Звонить вечером», «СОБРАНИЕ РЫБОЛОВЕЦКОГО КООПЕРАТИВА. Отменено до особого распоряжения». Последняя была свежее остальных — бумага ещё не пожелтела, — и кто-то обвёл дату красным маркером. 19 октября. Сегодня. Бен задержал взгляд на листовке, потом двинулся дальше.

Он насчитал шесть рыболовных траулеров, пришвартованных у дальнего пирса, но ни один из них не выглядел готовым к выходу в море. Двигатели молчали. Сети, сложенные на палубах, были сухими и ломкими, а в их складках блестела соль. Палубы были пусты. Только чайки сидели на поручнях, неподвижные, как чучела, и их крики напоминали скрежет ржавых петель. Одна из птиц, самая крупная, с наглым жёлтым глазом, сидела прямо на кнехте и не двинулась, когда Бен прошёл в двух шагах. Она только проводила его взглядом, и в этом взгляде ему почудилось что-то осмысленное.

Он выбрал судно под названием «Мэри Энн» — наименее ржавое из всех. Траулер был старым, но ухоженным: краска на бортах облупилась только местами, канаты были аккуратно свёрнуты, а в иллюминаторах рубки горел тусклый свет. На корме, сгорбившись над мотком каната, сидел мужчина в засаленной оранжевой робе. Ему было лет шестьдесят, может, больше — лицо, обветренное до цвета сырой говядины, пересекала сеть глубоких морщин, а на предплечье, вы-

глядывавшем из закатанного рукава, темнела расплывшаяся татуировка якоря. Якорь был обвит змеей, и Бен разглядел буквы под ней: «НЕ ПОДВЕДИ».

Он кашлянул. Мужчина не поднял головы. Кашлянул громче — тот же результат. Только когда тень Бена упала на палубу и загородила скудный утренний свет, рыбак соизволил разогнуться и посмотреть на незваного гостя. У него были мутные, слезящиеся глаза, и от него пахло табаком, рыбой и чем-то кислым.

— Мистер Кроу, — сказал Бен, стараясь, чтобы голос звучал уверенно. — Я ищу информацию о своём деде. Эдварде Кроу. Он был капитаном здесь, в пятидесятых.

Рыбак замер. Руки его, державшие канат, застыли, а взгляд скользнул куда-то мимо Бена, на серую воду за пирсом. Тишина затягивалась, и в ней Бен услышал, как где-то на соседнем судне скрипит незакреплённая дверь — размеренно, как маятник. Потом рыбак сплюнул за борт — коричневую струйку табачной слюны, которую ветер тут же унёс в сторону, — и вернулся к своему канату, словно Бен был не человеком, а чайкой, которую можно игнорировать.

— Я не кусаюсь, — сказал Бен. — Мне просто нужна информация.

Рыбак снова сплюнул. На этот раз он попал на собственный ботинок, но даже не заметил. Его руки, перебиравшие канат, чуть дрожали — не от старости, а от какого-то внутреннего напряжения, которое он пытался скрыть.

— Информация, — повторил он наконец, и голос его был скрипучим, как несмазанная лебёдка. — Информация — она как тухлая рыба, парень. Чем дольше копаешься, тем сильнее воняет. — Он помолчал, глядя на свои руки, и вдруг добавил, почти шёпотом, не поднимая глаз: — Мы не говорим о Кроу. Так заведено. Езжай обратно, откуда приехал.

Он повернулся к Бену спиной — широкая, сутулая спина, обтянутая выцветшей тканью робы, — и скрылся в рубке, захлопнув за собой дверь с такой силой, что с косяка посыпалась ржавчина. Звякнул засов изнутри. Бен постоял ещё немного, чувствуя, как ветер забирается под куртку и холодит кожу, и пошёл к следующему судну.

Второй рыбак был моложе — лет сорока, с рыжей, тронутой сединой бородой и жилистыми руками, покрытыми шрамами от рыболовных крючков. Он сидел на перевёрнутом ящике и точил нож — длинное лезвие с наборной деревянной рукоятью, — вода оселком медленно, ритмично. Звук был неприятным, скрежещущим, и Бен заметил, что нож уже острый — лезвие блестело, как зеркало, — но рыбак всё равно точил.

— Добрый день, — сказал Бен, останавливаясь в нескольких шагах. — Я Бенджамин Кроу. Я ищу информацию о...

— Я знаю, кто ты, — перебил рыбак, не поднимая глаз от ножа. — Весь порт знает. Ты внук капитана. — Он провёл оселком по лезвию, и звук стал выше, пронзительнее. — У меня отец был на «Морской Звезде». Боцман. Домой не вер-

нулся. Мать до конца жизни ждала, что он постучит в дверь.

— Мне очень жаль, — сказал Бен, и это было правдой. — Я не знал.

— Теперь знаешь. — Рыбак поднял глаза, и в них не было ни злобы, ни печали — только пустота, глубокая и спокойная, как штиль перед бурей. — Я не виню тебя, Кроу. Ты тогда ещё не родился. Но фамилия твоя здесь — проклятие. Капитан Эдвард обещал, что туман не вернётся, и сорок лет его не было. А теперь ты здесь — и туман здесь. Делай выводы.

Он встал, сунул нож в ножны на поясе и, не прощаясь, ушёл по пирсу в сторону складов. Бен смотрел ему вслед, пока его фигура не растворилась в тумане, и думал о том, что рыбак так и не ответил ни на один вопрос. Но сказал больше, чем первый.

Третий, совсем молодой парень с прыщавым лицом и редкой порослью на подбородке, даже разговаривать не стал. Он возился с мотором на маленьком ялике у дальнего причала и, когда Бен подошёл, замер, выронил гаечный ключ, и ключ звякнул о бетон, подпрыгнул и упал в воду. Парень проводил его взглядом, а потом быстро, украдкой перекрестился — троеперстием, слева направо, — словно стыдясь этого жеста.

— Простите, — начал Бен, — я только...

Парень помотал головой, схватил ящик с инструментами и, прижимая его к груди, почти бегом направился к выходу с пирса. Бен услышал, как он бормочет что-то себе под нос

— не слова, а монотонный, ритмичный напев, похожий на молитву.

Четвёртый рыбак, старик, чинивший сети на берегу, был единственным, кто заговорил сам. Он сидел на опрокинутой лодке, вытянув перед собой босые, узловатые ноги, и его пальцы, быстрые и ловкие, несмотря на возраст, вплетали новую бечёвку в ячейки сети. Рядом лежала грудa поплавков — ярко-оранжевых, пластмассовых, — и они светились в тумане, как маленькие солнца.

— Подойди, — сказал старик, не поднимая головы. Голос у него был скрипучий, но добродушный. — Не бойся. Я не кусаюсь, в отличие от некоторых.

Бен приблизился. От старика пахло рыбой, потом и нюхательным табаком. Его лицо было изрезано морщинами, а глаза — бледно-голубые, почти такие же выцветшие, как у Джулиана Финча, — смотрели хитро и устало.

— Ты Кроу, — сказал он. — Внук капитана. Я знал твоего деда. Плавал с ним на «Морской Звезде», пока не уволился за год до катастрофы. Поссорились мы. Он говорил, что я не умею держать язык за зубами. Может, и так. Зато я остался жив. — Он усмехнулся, показав дёсны, в которых торчало три жёлтых зуба. — Капитан Кроу — мёртвое имя. А мёртвых, сынок, лучше не тревожить, если не хочешь, чтобы они пришли к тебе во сне.

— Он приходит? — спросил Бен, и голос его дрогнул. — Во сне?

Старик перестал плести и поднял глаза. В них на мгновение мелькнуло что-то острое, серьёзное.

— Не он, — сказал он тихо. — Хуже. То, что забрало его. Оно приходит. Иногда — как запах. Иногда — как голос. Иногда — как лицо в окне, которого не может быть, потому что окно закрыто. — Он снова опустил взгляд на сеть. — Уезжай, парень. Здесь для тебя ничего нет. Только старые долги, которые ты не брал, но платить придётся.

Бен хотел спросить ещё — что за долги, почему все бо-
ятся, что случилось на самом деле, — но старик уже снова склонился над сетью, и его пальцы задвигались с прежней скоростью. Разговор был окончен.

Он вернулся к машине и сел за руль, не заводя двигатель. Салон нагрелся от скудного солнца, пробивавшегося сквозь облака, и запах соли стал гуще, плотнее. В кармане куртки лежал дневник деда, и Бен, сам не зная зачем, достал его и открыл на первой странице. Там, где почерк был ещё ровным, ещё человеческим, было написано: «Они называют меня капитаном, но я — всего лишь писец. Я записываю то, что диктует мне океан. И океан говорит мне, что голоден. Всегда голоден». Бен захлопнул дневник и сунул обратно в карман. Пальцы дрожали.

Он уже собирался завести двигатель и уехать, когда заметил вывеску в конце стоянки: «ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ МАГАЗИН МАККРИДИ. ВСЁ ДЛЯ РЫБАЛКИ И ДОМА». Старое кирпичное здание с единственной витриной, заставлен-

ной пыльными удочками, пластиковыми вёдрами и мотками верёвки. Ему нужен был фонарик. И батарейки. И, может быть, нормальный разговор с человеком, который не убежит, услышав его фамилию.

Колокольчик над дверью звякнул, когда он вошёл. Внутри было темно и тесно: стеллажи, забитые рыболовными снастями, банками с краской, коробками гвоздей; стойка с резиновыми сапогами; шкафчик с наживкой, от которого исходил резкий, землистый запах. За прилавком, на высоком табурете, сидел старик с длинным, лошадиным лицом и седыми бакенбардами. На нём был клетчатый фланелевый халат, а на голове — вязаная шапочка с помпоном, несмотря на духоту. Он читал газету «Промис-Фоллс Газетт» и не поднял глаз, когда Бен вошёл.

— Добрый день, — сказал Бен. — Мне нужен фонарик. И батарейки.

Старик отложил газету — медленно, с достоинством, — и посмотрел на Бена поверх очков. Взгляд его был цепким, оценивающим, но без враждебности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.